

Держать себя в лямках

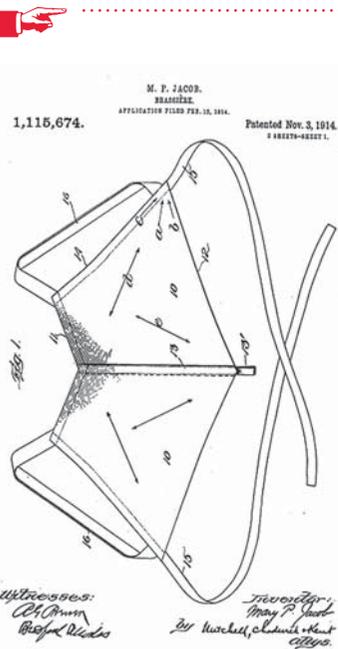
ПЕРВАЯ СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ БЮСТГАЛЬТЕРА

Максим Семеляк

ван в 1914 году — усилиями нью-йоркской шпучки по имени Мэри Фелпс Джейкоб. Впрочем, собственный бизнес у нее не задался и она продала патент компании The Warner Brother's Corset Company в Коннектикуте за \$1500. А собственно изобретение датируется 1913 годом — отправляясь на бал, она прижала к груди два носовых платка и обвязала их розовой лентой, что дало ей возможность игнорировать постылый корсет. В 1922 году русская эмигрантка Ида Розенталь основала в Америке фирму Maidenform по производству бюстгалтеров с вкладками разных размеров и эластичными бретельками — впрочем, окончательно их оценили уже в 30-е, когда большая грудь снова вошла в моду после субтильных фигур прошлого десятилетия. 60-е традиционно считаются не лучшим временем для ношения лифчиков — тогдашние супермодели Джин Шримптон и особенно Твигги не отличались праздничностью форм, кроме того, общие хиппистские установки на освобождение всех от всего наводили на мысль о надуман-

варовской «Кики» представляется куда более остроумным). Собственно Готье был не первым, кто сделал лифчик символом агрессивного хайтека — например, в итальянском комедийном триллере «Десятая жертва» (1965) Урсула Андресс носит стреляющий лифчик, в чьи посеребренные чашечки вмонтированы стволы — то, кстати, была выдумка американского фантаста Роберта Шекли. Три года спустя эту связку лифчика и выстрела невольно спародировал Гайдай в «Бриллиантовой руке». Если продолжать тему двойных стандартов, на которые, собственно, наводит сам облик обсуждаемого предмета, то, например, носителей русского языка можно разбить на две категории — тех, кто говорит «лифчик», и тех, кто предпочитает слово «бюстгалтер». «Лифчик», разумеется, старше и степеннее — само слово встречается и в «Преступлении и наказании», и даже в «Мертвых душах». «Бюстгалтер» звучит куда более вызывающе (причем не только на русском — в Италии его, например, в свое время даже запрещали печатать в соответств-

ЛИФЧИК — материя двусмысленная, и дело не столько в лукавой природе его функциональности (скрыть, чтобы подчеркнуть), сколько в исторической перспективе. В сущности, история лифчика — это история двойного стандарта. Он явился миру как знак прогресса и раскрепощения — потеснив душный корсет, однако через довольно непродолжительное время сам стал скрывающим фактором. Собственно, до сих пор ведутся споры и всплывают новости в стилистике «британские ученые установили» — то ли его вредно носить по медицинским соображениям, то ли, наоборот, без него никак, то ли он препятствует, скажем так, прогрессирующей бесхарактерности груди, то ли, напротив, провоцирует ее, etc. Бюстгалтер в более или менее современном его понимании был окончательно запатенто-

ной природе данного изобретения. 7 сентября 1968 года в Атлантик-Сити прошла громкая безобидная акция в исполнении нескольких сотен феминисток, пытавшихся отменить американский конкурс красоты — как принуждающий женщину стремиться к издевательски-недостижимым плотским стандартам, как превращающий ее в бессмысленный объект мужского вождления и в довершение всего как расистский, поскольку негритянки к участию в смотре телесных достоинств не допускались. Акция была организована группировкой «Радикальные женщины Нью-Йорка» под девизом «No More Miss America» и вошла в историю как день сожжения лифчиков, хотя на самом деле никакого бельевого аутодафе не произошло: девушки просто накидали в мусорный бак разных украшательских аксессуаров — шпилек, ресниц, подвязок и, разумеется, лифчиков; Арт Бухвальд, не разобравшись, написал об этом колонку — и родился миф. В дальнейшем четкой позиции по бюстгалтеру феминистки так и не выработали, поскольку невозможно было дать однозначный ответ на вопрос — шастать без лифчика означает капитуляцию перед мужским желанием или, наоборот, борьбу с ним? Собственно, основная претензия феминисток сводилась даже не к тому, что лифчик якобы провоцирует самцов на стыдные подвиги — на самом деле его элементарно было неудобно носить (о чем гневно свидетельствовала веселая феминистка Жермен Грир). Однако к 70-м годам структура его окончательно утряслась и вопрос об удобстве-неудобстве более не возникал — изобрели даже специальный бюстгалтер для бега (1977), а сам объект постепенно стал площадкой для полупародийных художественных экспериментов — как, например, изготовленный Жаном Полем Готье дикого вида лифчик для Мадонны (впрочем, его псевдогологодное платье для альмодо-

ющих модных каталогах). От него веет исключительно злостью, тогда как «лифчик», помимо неизбежных сексуальных ноток, несет в себе также и чисто бельевые коннотации, и если для бюстгалтера проверочное слово «адюльтер», то для лифчика — ну, например, «пододеяльник». У Евтушенко в стихах про стерву из архангельских кабаков фигурируют через запятую «туфли из Гавра, бюстгалтер из Дувра и комбинация с Филиппин», тогда как ранний Вознесенский предпочитает его более романтический синоним: «За проказы, неприличности / и бесстыжие глаза, / за растегнутые лифчики — / за-за!». У Маяковского в «Клопе» упоминаются издевательские «бюстгалтеры на меху» (таковые, кстати, со временем благополучно появились), и конечно же слово выбрано специально для обозначения уничижительно-футуристического анахронизма — примерно так же звучит слово «презервативы» в стихах Багрицкого. В стихотворении тех лет «Штукатур» Ивана Приблудного читаем: «За какие-то тридцать рублей, / За обещанный лифчик жене / Поплатился ты жизнью своей, / Неподвижный лежишь на спине». Иными словами, лифчик — скорее для жены, бюстгалтер — для крали из архангельского кабака (это в лучшем случае). Поддерживает он грудь или нет, обнажает или скрывает, функция он или приманка — окончательное разрешение этих вопросов лучше оставить на совести врачей и феминисток. По Гегелю, сущность любого различия — это некий третий элемент, обозначающий «ззор» между двумя противоположностями. На наш сексистский взгляд, искомый третий элемент — та обеспечиваемая лифчиком-бюстгалтером ложбинка между грудями, одного взгляда на которую бывает достаточно, чтобы полностью самоотожествиться с идеями прогресса, хотя бы в его галантерейной форме.